

Му Ваньбянь перестала шуметь. Она злобно смотрела на Чжун Лицина и бросила:

— Что ты ещё можешь сказать? Я тебе скажу, если ты попытаешься изменить факт убийства моей дочери на самоубийство, я не позволю этому случиться, пока я жива.

Чжун Лицин почувствовал головную боль. Женщины — это всегда проблемы. Если бы это был мужчина, он бы уже давно отправил его в полёт ногой.

— Прекрати шуметь, у меня уже голова болит.

Му Ваньбянь с недовольным видом села обратно, хотя и сделала это с некоторым уважением к Чжун Лицину.

Чжун Лицин посмотрел на Цзян Ляна с лёгкой долей сочувствия:

— Брат, тебе тоже нелегко.

Цзян Лян был ошеломлён, а затем его настроение стало сложным. Кто тебе брат? Не наглей.

Му Ваньбянь тут же закричала:

— Чжун Лицин, что ты имеешь в виду?

Теперь она уже называла его просто по имени, даже не утруждая себя обращением «господин Чжун».

— Это значит, что я сейчас очень недоволен.

Услышав это, все, кроме Линь Е и Шэнь Цзяланя, изменились в лице.

Чжун Лицин не хотел больше тратить время на разговоры. Он снова откинулся на спинку стула, приняв максимально удобную позу.

— Госпожа Цзян, расскажите о вашей дочери и внуке.

Эти слова Чжун Лицина прозвучали как гром среди ясного неба.

Лицо Му Ваньбянь побледнело, а Цзян Лян открыл рот, но не смог произнести ни слова. Его шокированное лицо также привлекло внимание Чжун Лицина и остальных.

Линь Е подумал, что это, должно быть, секрет Му Ваньбянь, который Чжун Лицин раскопал.

Раньше он тоже удивлялся, как Чжун Лицин мог заявить о закрытии дела, не поймав убийцу. Теперь стало ясно, что здесь есть что-то ещё, связанное с Цзян Синья.

— Что? О чём ты говоришь? Я не понимаю.

Му Ваньбянь отрицала, но это не имело значения. Чжун Лицин неспешно сказал:

— Ничего страшного, если ты не хочешь говорить. Мы сами расскажем. Сяо Ми, ты или Тантан?

— Я сделаю это.

Сяо Ми взяла стопку документов и разложила их перед всеми. Шэнь Цзялань начал листать. О, так вот как выглядит ребёнок, которого воспитывает Юй Бай!

Члены семьи Цзян, поражённые, тоже начали просматривать документы. Цзян Лян не стал этого делать. Он дрожал от гнева.

— Это невозможно. Как моя дочь могла сделать такое? Вы не можете просто взять и оклеветать её, потому что она мертва. Я могу доказать, что ничего подобного не было.

Му Ваньбянь смотрела на него с пустым взглядом. Его возмущённый вид действительно напоминал отца, защищающего свою дочь. Но...

Чжун Лицин с насмешкой посмотрел на него:

— Ты можешь доказать? Как? О, ты, должно быть, эксперт в определении, рожала ли женщина. Ты осматривал свою дочь?

Сяо Ми слегка ударила его по голове, напоминая, чтобы он не говорил лишнего.

Лицо Цзян Ляна покраснело, и он явно был недоволен.

Но он продолжал настаивать.

— Это невозможно. Вы не можете так говорить. Если это станет известно, как люди будут смотреть на нашу семью? Семья Цзян не может быть опозорена из-за этой бесстыдной женщины. Я не могу позволить этому случиться...

Он уже начал говорить необдуманно. Его брат Цзян Чжун пытался подать ему знаки, но он их не замечал. Лицо Му Ваньбянь становилось всё мрачнее.

Пять лет назад она изо всех сил старалась скрыть этот секрет. Она никогда не думала, что он всплывёт наружу, даже после смерти дочери. Этот секрет должен был остаться похороненным в земле навсегда.

Но почему его сейчас снова поднимают?

Цзян Лян, не обращая внимания на растерянную Му Ванььянь, с гневом спросил:

— Му Ванььянь, что это за история? Объясни, они ведь врут, да?

Лицо Му Ванььянь стало мрачным. Её уверенность исчезла, и на лбу выступил пот. Её ухоженные ногти сломались, когда она царапала стол, но она этого не заметила.

— Объясни сейчас же...

Его гнев был оправдан. Это событие имело огромные последствия. Его дочь Цзян Синья была мертва, но семья Цзян всё ещё могла стать объектом насмешек и осуждения. Это повлияло бы на всю семью. В прошлые времена одно лишь слово «неправильное воспитание» могло бы испортить брачные перспективы всех детей семьи. В наше время, хотя общество и не такое строгое, слухи о беспорядочной личной жизни и внебрачных детях всё равно не приветствуются.

И теперь, будь то ради репутации семьи или личной чести, он отказывался признавать это.

Его дочь родила ребёнка в восемнадцать лет, и это внезапно стало известно посторонним. Сначала он был шокирован и не мог поверить, но затем, постепенно осознавая, он начал сомневаться.

Его дочь, всегда отличавшаяся эксцентричностью, могла совершить такой позорный поступок. Ключевым моментом было поведение Му Ванььянь, которое вызывало у него подозрения.

Му Ванььянь была напугана, и это было проблемой. При её характере, если бы это была ложь, она бы разорвала рот любому, кто осмелился бы такое сказать.

Но теперь Цзян Лян не был уверен.

Сяо Ми смотрела на всех с разными выражениями лиц. Кроме семьи Цзян, Линь Е и Шэнь Цзялань были просто сторонними наблюдателями, наслаждаясь зрелищем.

Она начала говорить:

— Пять лет назад, в возрасте восемнадцати лет, Цзян Синья родила мальчика в средней больнице в районе С столицы. Это документы, которые госпожа Цзян заплатила, чтобы скрыть, но мы их восстановили. Все медицинские расходы с момента поступления Цзян Синья в родильное отделение подробно записаны и подписаны. Это раскрывает вас, госпожа Цзян. Ваши банковские записи можно проверить, и ваша подпись знакома многим. Кроме того, есть сохранившиеся записи с камер наблюдения...

Му Ванььянь наконец сломалась. Она встала и закричала:

— Да, моя дочь родила ребёнка, но что с того? Она мертва, и зачем вам копать в её прошлом? Какое это имеет отношение к её смерти? Вы просто вмешиваетесь не в своё дело.

В зале заседаний слышалось только тяжёлое дыхание Му Ванььянь. Её лицо исказилось от гнева.

Её дочь, даже мёртвая, не должна была быть опозорена.

Теперь все смотрели на Чжун Лицина, ожидая, как он справится с ситуацией. Слова Му Ваньбянь не были лишены смысла. Если без причины копаться в прошлом Цзян Синья, это не только очернит семью Цзян, но и будет неуважением к ней. С точки зрения морали и логики действия Чжун Лицина казались излишними.

Не обращая внимания на взгляды окружающих, Чжун Лицин достал что-то из кармана и показал всем. Его взгляд скользнул по Шэнь Цзяланю, и уголок его губ слегка дрогнул.

Шэнь Цзялань заметил это и ответил лёгкой усмешкой.

Все увидели, что в руках Чжун Лицина была золотистая карточка, покрытая сложными и красивыми узорами.

Он держал карточку в одной руке, а другой достал зажигалку. На глазах у всех он зажёл зажигалку и поднёс карточку к синему пламени.

Ожидаемого зрелища сгорающей бумаги не произошло. В воздухе распространился странный аромат, и карточка стала тёмно-красной.

Цветом, напоминающим лепестки розы или... кровь.

Линь Е, сидящий ближе всех, протянул руку, чтобы рассмотреть поближе, и Чжун Лицин передал ему карточку.

Линь Е заметил, что материал карточки был странным на ощупь. Она оставалась холодной даже после воздействия огня и не была повреждена.

Узоры на ней были изысканными, словно выгравированными с большой точностью. Любой, кто видел это, мог восхититься мастерством исполнения.

Но маска, роза, меч и корона, соединённые вместе, создавали странный и непонятный узор.

Не сказать, что это было уродливо, но определённо лишено вкуса.

Линь Е подумал именно так.

Затем Шэнь Цзялань тоже протянул руку:

— Я хочу посмотреть, не стирается ли краска.

— Она не стирается...

Чжун Лицин кашлянул и сказал:

— Убийца Цзян Синья — получеловек. Мы уже подтвердили это. Тот... как его зовут, Фан Жуй, который рядом с Линь Е, тоже говорил, что почувствовал запах феромонов получеловека,

подтверждая, что в тот день в доме был незнакомый получеловек.

Фан Жуй, использованный как полицейская собака, выполнил свою миссию. Его обоняние было настолько острым, что он легко различил оставшийся запах феромонов.

<http://bllate.org/book/15261/1346588>